

ВИКТОР СТЕПАНЕНКО,

кандидат философских наук, и.о. заведующего отделом истории, теории и методологии социологии Института социологии НАН Украины

Гражданское общество как дискурс и социальный нормативный порядок в социологии Джеффри Александера

Abstract

It is analysed the civil society concept suggested in the theoretical framework of J.Alexander's cultural sociology and value analysis. A new methodological approach to the civil sphere is discussed. Civil society is represented through the structural set of symbolic codes and binary discourses, including discursive structure of actors, social relationship, and social institutions. The issues of the civil society institutionalization as a tension between the ideal and real civil societies are concerned. The above-mentioned theoretical approach and the data of empirical sociological surveys are applied to the analysis of institutionalization of civil society in post-communist countries, particularly in Ukraine.

Ведущий американский социолог, один из лидеров современной теоретической социологии Джеффри Александер с начала 1990-х годов активно исследует проблематику гражданского общества [1–8]. Теоретическая чувствительность этого исследователя к самым актуальным проблемам социологической науки и теоретическому измерению ее развития неоспорима, поэтому его обращение к концепции гражданского общества свидетельствует о “центральной” (как сказал бы сам Александер) этой проблематики для классической и современной социальной теории, в том числе и для социологической.

Подход Александера к гражданскому обществу заслуживает особого внимания не только потому, что он подчеркивает именно социологическое понимание этого социального феномена, но и потому, что он связывает свой интерес к данной проблематике, с одной стороны, с логикой формирования собственного пути в социологической теории, а с другой — с новыми синтезами социологического знания и интерпретациями гражданского общества

в постмодерную эпоху глобальных общественных социокультурных и политических трансформаций. Как справедливо утверждает исследователь, социологам пора сосредоточить внимание на концепции гражданского общества, однако ее следует переосмыслить таким образом, чтобы стал возможен переход от довлеющих ныне артикулированной политической идеи к обоснованной концепции в рамках как теоретической, так и эмпирической социальной науки [5, с. 17].

Очертим теоретические положения Александра, касающиеся социологического переосмысления гражданского общества.

1. Рассматривая гражданское общество как культурную и регулятивную логику организации общественной жизни и ее нормативно-идеальный тип, Александр четко выписывает его социальную топологию как особой культурной подсистемы (называя ее также сферой гражданского — *civil sphere*). Тем самым он “погружает” теоретическую и практическую проблематику гражданского общества в культурно-символическую сферу общественной жизнедеятельности. Особыми характеристиками последней выступают дискурсы, социальные коды, символические концепты и практики, присущие культурной системе любого общества. Именно с помощью этих культурно-символических индикаторов, по убеждению Александра, исследователь может изучать проявления и манифестации гражданского общества.

2. Такая особая (культурно-символическая) специфика гражданского общества требует для ее адекватного понимания и исследования новых теоретических подходов и синтезов, охарактеризованных теоретиком как “ценностный анализ” (*value analysis*) или “культурный подход” (*cultural approach*) в рамках постпозитивистского теоретического направления культурной социологии (*cultural sociology*), ряд предложений по поводу которой отстаивает американский социолог [1, с. 151].

3. Культурно-символическая специфика гражданского общества не означает, однако, ограничения проявлений его действия исключительно сферой культуры. Скорее гражданское общество присутствует в качестве общественного нормативного идеала и формирует значения “хорошего” или “плохого”, “справедливого” или “несправедливого” во многих других сферах (или подсистемах) общественной жизнедеятельности — в межгосударственных отношениях, политике, экономике, идеологии, государстве, семье и т.п. Как подчеркивает Александр, “в функционалистских терминах гражданское общество можно понимать как социальное измерение или подсистему, которая, подпитываясь от этих других сфер и попадая под сдерживающее влияние их императивов, в свою очередь, предпринимает сдерживающие их действия” [2, с. 40]. В этом смысле социолог справедливо отрицает критику в свой адрес испанского исследователя В.Переса-Диаса, отождествляющего его подход с “минималистскими” представлениями о гражданском обществе, то есть якобы ограниченными только сферой культуры [9]. Напротив, по мнению американского теоретика, преимуществом его четкого определения этой аналитической категории является возможность объяснения и моделирования многих цивилизационных конфликтов, вариаций и противоречий между гражданской и негражданской сферами общественной жизнедеятельности, между реальными и идеальными гражданскими обществами и т.п.

В этой статье я более подробно рассмотрю теоретические предложения Дж.Александра, проанализирую некоторые эмпирические аспекты применения его теоретической модели гражданского общества, а также обозначу

возможности экстраполяции этих теоретических моделей в контексте украинских общественных трансформаций. Это особенно актуально, учитывая качественно новые проявления гражданского общества в Украине во время “оранжевой” революции 2004 года и в постреволюционный период развития общества, непосредственно не связанные с его организационно-статистическими измерениями (статистические показатели зарегистрированных негосударственных организаций (НГО), PR-акции их активистов и т.д.). Поэтому лучше, как предлагает Александер, обратиться к глубинным уровням функционирования социально-нормативных установок и нравственного уклада общества, проявившимся в тенденциях “морализации” политики, усиленного политического использования культурно-символических форм и нормативно-дискурсивных практик, в частности связанных с аргументами, апеллирующими к “справедливому” или “идеальному” обществу. В эпоху постмодерна политика и культура тесно переплетаются и взаимовлияют друг на друга, а значит новые теоретические координаты (в том числе и предлагаемые теоретиком) могут оказаться полезными и эвристически плодотворными для анализа современного состояния и перспектив общественной сферы в трансформирующемся обществе.

Поскольку предмет исследования Александера — гражданское общество — и предложенная им логика теоретизирования тесно связаны (вплоть до взаимообусловленности), я начну с рассмотрения теоретической методологии и аналитического аппарата, которые, по мнению теоретика, необходимы для адекватного анализа и понимания данного феномена.

Методология и синтезы культурной социологии

В своих исследованиях 1990-х годов, в частности по тематике гражданского общества, Александер выдвигает теоретико-методологические положения “культурной социологии” (*cultural sociology*). В сочетании его исследований по социологической теории, проблемам культуры и общества эта теоретическая программа фокусирует внимание на значениях культурных кодов и нарративов общественной жизни. Они, по убеждению социолога, обнаруживаются в таких, на первый взгляд, разных полях и знаковых событиях общественной жизнедеятельности, как гражданское общество, экологические проблемы, новые компьютерные технологии, исторические политические коллизии и кризисы (от Холокоста и Уотергейта до антикоммунистических революций в Восточной Европе и террористической атаки на США 11 сентября 2001 года), которые теоретик делает предметом своего анализа.

Чтобы понять теоретическую логику поворота Дж.Александера к проблемам культуры, необходимо вспомнить доминирующие траектории социологического употребления понятий “ценности” и “культура” в послевоенной западной социологической традиции. Активное употребление этих концептов исследователями многих социальных дисциплин, в том числе в социологии, в ранний послевоенный период 1940–1960-х годов (что было в определенной мере продолжением классической традиции “понимающей социологии” М.Вебера) сменилось периодом весьма острой критики и теоретического “охлаждения” к культуроцентрическому подходу. Главными аргументами этой критики были якобы неоправданный приоритет культуры перед другими сферами социальной реальности и способами ее теоретических классифи-

каций и якобы следующий отсюда идеализм культурного подхода. Результатом подобного критицизма по отношению к социологическим методологиям, выбравшим культуру или ценности в качестве точки своего теоретико-методологического отсчета, явилось то, что саму культуру в западной теоретической социологии в 1970–1980-х годах часто интерпретировали сугубо как продукт социальной структуры (Т.Парсонс), воплощение практических смыслов (П.Бурдьё) или проявление активности и субъективности актора (Г. Гарфинкель). В итоге социологический взгляд на культуру лишился понимания ее самодостаточности, внутренних логик ее развития и общественных смыслов ее репрезентации. Как отмечает Александер, в такой деформированной теоретической модели “культурные формы довольно часто предстают как пустые боксы, которые следует заполнить потребностями (социальной) структуры, а значит, внутреннее содержание репрезентаций имеет недостаточно объяснительных возможностей” [1, с. 152].

По мнению Александера, адекватным теоретическим выходом из этого состояния “выпадения” культурных смыслов и неразрешенных методологических дихотомий между культурой и действием, культурой и социальной структурой служит формирование новых теоретических подходов к культуре как сфере общественной жизнедеятельности. В теоретический синтез такой новой предлагаемой им модели исследователь включает — на основе исходного парсонсовского структурно-функционалистского размежевания между культурой и социальной системой — постмодерные семиотические и постструктуралистские подходы (К.Леви-Строс, Р.Барт), традиции культурной антропологии, а также герменевтический подход (П.Рикер), согласно которому значимое действие может рассматриваться как текст [10]. И хотя этот синтез сам Александер называет “позднedurкгеймовским” (*late-Durkheimian*), его культурная социология, особенно в рассмотрении гражданской сферы, помимо дюркгеймовской традиции в пониманиях общества и солидарности содержит также элементы социологических подходов к общественной солидарности М.Вебера и концепты социальной общности Т.Парсонса.

Каким же образом культуру и сферу гражданского можно интерпретировать в этой новой теоретической модели? В русле своего подхода Александер определяет культуру как структуру, состоящую из символических систем. Символы являются референтными знаками, имеющими обобщающий статус для понимания элементов социальной или индивидуальной жизни. Культурные символы и структуры формируют упорядоченные состояния общественной жизни и последовательность человеческих действий. Для этих культурных структур характерно множество проявлений, и одно из важнейших среди них, к тому же не поддающееся фиксации на уровне эмпирических исследований, — это дискурсы и нарративы, то есть рассказы, истории и толкования событий. Вполне в духе постструктуралистского подхода исследователь отмечает, что “люди, группы и нации осознают свой прогресс во времени через рассказы и сюжеты, имеющие начало, середину и конец, героев и антигероев, решающие точки своего развития и развязки, драматические, комические и трагические формы” [1, с. 156].

Обращение Александера к значимым культурным символам, структурам, дискурсам и нарративам симптоматично. Действительно, в определенном смысле забытая в послевоенной социологии 1960–1980-х годов ее традиционная культурно-антропологическая составляющая (в частности от тра-

диций британской культурной антропологии) и социокультурный подход снова получает актуальность в постмодерном теоретическом повороте развития социологии и в обозначении ее исследовательских сфер в 1990-х годах [11; 12]. Современные постструктуралистские и модернизированные культурно-исторические подходы (М.Бахтин, К.Леви-Стросс, Р.Барт, В.Тернер, В.Уорнер, П.Рикер, М.Элиаде), которые исходят из присутствия и действительности прежних и новых мифологических построений, а также символических структур даже в современных индустриализированных и секуляризованных обществах, являются эвристически-плодотворными направлениями развития современной социологической теории, в частности и отечественной [13].

И хотя темы символической, мифологической, структурно-функциональной логики развития и функционирования культурных систем не новы в социальной теории, методологической заслугой Александера считается распространение данного теоретического подхода на анализ не только традиций, ритуалов и социокультурных явлений, но и других сфер общественной жизнедеятельности, в частности политики и общественной сферы любого общества. Универсальность символических бинарных кодовых структур, а следовательно, формальная автономия культуры от социально-структурных детерминаций, основана, по мнению теоретика, на внутреннем взаимодействии кодов — обозначающих в рамках формирования общественных смыслов явлений или процессов [1, с. 157]. Согласно этому подходу, символы структурируются в системы бинарных отношений, и если любое значимое действие рассматривается как текст, культурную и общественную жизнь общества можно представить в виде сети взаимосвязанных систем бинарных отношений, обозначаемых в дискурсах. Именно символически-структурированные системы дискурсов общества позволяют классифицировать и различать хорошее и плохое, желаемое и нежелательное, святое и демоничное, символически чистое и загрязненное и т.п.

В своей интерпретации бинарных символических оснований социокультурного порядка общества теоретик обращается не только к классическим основам структурализма, культурной антропологии и социологическим концепциям нормативно-регуляторных функций морали Э.Дюркгейма, М.Вебера и Т.Парсонса, но и к известным критическим социально-философским системам — от К.Маркса и А.Грамши до Ю.Хабермаса. Базисом таких систем в разных их вариациях является противопоставление имеющегося несовершенного или несправедливого общества какому-либо нормативному идеалу — *доброму, справедливому*, наконец — *гражданскому* обществу. Однако проблемным недостатком этих подходов, по мнению Александера, является вынесение смыслов общественно-нормативного идеала за пределы сферы культуры в другие сферы общественной жизнедеятельности — в экономику, политику или в социально-классовую структуру общества.

Актуальной новизной собственного подхода теоретик небезосновательно считает рассмотрение нормативно негативных общественных характеристик (плохое, несправедливое, аморальное и т.п.) как внутренне органичной части единой культурной системы, в которой негативные характеристики символизируются и кодируются так же, как и позитивные. Более того, позитивные культурные коды можно понять и осознать именно в противопоставлении их негативным. Таким образом, конфликт между культурным позитивом и негативом, хорошим и плохим происходит в пределах самой культуры и создает ее внутреннюю динамику. В подходе Александера такой

конфликт (подавления, исключения и доминации) между бинарными культурными символами выступает частью ядра системы оценок любой культуры, а символические “загрязнения”, трансгрессии, трансформации и “очищения” являются основными ритуальными процессами социальной жизни [1, с. 158]. Ритуальные процедуры и механизмы взаимодействия бинарных символов и дискурсов в рамках одной культурной системы были наглядно представлены в публичных манифестациях “оранжевой” революции 2004 года в Украине. Мобилизационная идеология революции активно использовала дискурс “очищения” общества и власти в противовес олигархическому, бандитскому, коррупционному и прочему “загрязнению”, которое к тому же персонифицировалось в массовом сознании с криминальным (то есть “не чистым”, “не добродетельным” и т.п.) прошлым одного из кандидатов.

Современные теоретики фокусируют особое внимание на театральности, визуализации, ритуализации, социальном драматизме, а иногда и на “культурных войнах”, которыми отличаются публичные репрезентации культуры и истории в постмодерном обществе [14]. Немало последних событий новейшей истории страны в разных социокультурных контекстах — от символических проявлений гражданской сплоченности американцев после террористической атаки на США в сентябре 2001 года до украинского Майдана 2004 года и первого официального публичного дня памяти голодоморов в 2005 году — подтверждают особое значение и острую актуальность поиска общих культурных ценностей в условиях культурного плюрализма и разнообразия современных обществ. Идеально-нормативным форматом этих культурных дискурсов и практик во всеобщем поиске общих ценностей является, по мнению Александра, *гражданское общество*, “цель которого заключается в моральной регуляции социальной жизни” [1, с. 161].

Макроуровневая динамика социальной жизни демократического общества обусловлена взаимодействием гражданской и негражданской сфер, когда для поддержки демократии гражданскому обществу нередко приходится вмешиваться в другие сферы общественной жизнедеятельности (скажем, в экономику, политику, социальные программы и т.п.), требуя определенных реформ и политического реагирования и контролируя их выполнение регулятивными средствами моральной критики и общественного действия. Александр метафорически определяет эту функцию гражданского общества реагировать на “разрушительные вторжения” в гражданскую сферу его способностью к “гражданскому ремонту” и “исправлению” поврежденных [2, с. 40]. То есть гражданское общество как общественно-нормативный идеал принимает на себя фундаментальные обязательства по поддержке современной демократической социальной организации. Именно в публичной сфере гражданского общества происходят процессы взаимодействия противоречивых культурных кодов, символизаций, дискурсов и практик современного демократического общества, и именно гражданское общество демонстрирует хрупкость социальных институтов в процессах публичной репрезентации общей культуры, ценностей и истории.

Бинарная структура дискурса гражданского общества

Очерчивая топос гражданского общества в социокультурной сфере социальной жизнедеятельности, Александр в то же время рассматривает его структурное строение, состоящее из акторов, взаимодействий между ними

и институтов [1, с. 161]. Центральным ядром этого строения, обеспечивающим нормативный алгоритм функционирования любого гражданского общества, является система культурных бинарных кодов (см. рис.). Эти коды обуславливают характер взаимодействия трех упомянутых выше измерений социально-структурной реальности обычным и понятным (хотя не всегда осознанным) для общества способом.



Рис. Структура гражданского общества по Дж.Александеру

В русле своих теоретических подходов, ориентированных на классическую теоретическую методологию “идеальных типов” от М.Вебера до Т.Парсонса, Дж.Александер предлагает макросоциологическую (или социетальную) структуру гражданского общества, являющуюся, по его мнению, универсальной. Вместе с тем гомогенность структурного ядра гражданского общества не исключает существенных и важных вариаций его проявлений в разных национально-культурных контекстах (и, очевидно, если развивать эту позицию и опираться, в частности, на исследования Р.Патнема [15] — разных вариаций даже в рамках одного общества). “Каждое гражданское общество исторически развивается свойственным только ему образом, — утверждает Александер. — *Burgerliche Gesellschaft, societe* и *society* обозначают эти вариации во взаимоотношениях между государством, экономикой, культурой и сообществом разных национальных гражданских обществ, и, очевидно, они [вариации] определяют различия в наиболее общих темах культуры” [1, с. 161]. Примером таких вариаций, в частности, могут быть различия в культурной традиции и социальной семантике в понимании нации и гражданства во Франции и в Германии.

Учитывая глубокое знание близкого ему культурного материала и хрестоматийную демократичность исторического формирования национально-государства и общества в США, социолог интерпретирует свою концепцию, применяя для ее анализа бинарный дискурс американского гражданского общества. Его определяющей исторической составляющей, по мнению Александера, является “демократический код”, который формирует доминантный дискурс свободы и обуславливает поведение и мотивацию акторов, социальные взаимоотношения и способы функционирования социальных институтов [1, с. 161]. Необходимым антитезисом этого кода должен быть “контрдемократический код”, обозначающий противоположные характеристики авторитарного общества в рассматриваемых сферах (табл. 1). В обобщенном виде бинарные коды и дискурсы гражданского общества, согласно Александеру, выглядят как семантические пары противоположностей, без наличия которых значение этих дискурсов не может быть понято. И хотя эта бинарная структура предлагается социологом в его

анализе дискурса американского гражданского общества, уровень ее обобщения и базовый “общечеловеческий” понятийный аппарат позволяют использовать ее в качестве определенной концептуальной конструкции для анализа и понимания любого гражданского общества.

Таблица 1

Бинарный дискурс гражданского общества

Мотивы (акторов)	
<i>Цивильные (civil)</i> ¹	<i>Антицивильные (anticivil)</i>
активность	пассивность
автономность	зависимость
рациональность	иррациональность
рассудительность	истеричность
сдержанность	возбуждаемость
самоконтроль	неспособность контролировать
реалистичность	страсти
здоровый смысл	искажения действительности
	бред
Взаимоотношения	
<i>Цивильные</i>	<i>Антицивильные</i>
открытость	секретность
доверчивость	подозрительность
критичность	неразборчивость
уважение	собственный интерес
альтруизм	жадность
честность	обман
прямота	расчет
открытость к обсуждениям	келейность
дружелюбие	антагонизм
Институты	
<i>Цивильные</i>	<i>Антицивильные</i>
управляемость правилами	бесчинство
закон	власть
равенство	иерархичность
привлечения	ограничения
беспристрастность	субъективизм
контракт	связи лояльности
группы (groups)	группировки (factions)
учреждение	личность

Источник: [8, с. 373].

¹ Я перевожу англоязычный термин *civil* как *цивильный*, а не как *цивилизованный*, хотя до конца XVIII века эти два понятия у английских и шотландских авторов были взаимозаменяемыми. Термины “цивильность” и “цивильный” более адекватно передают первичную семантику англоязычных понятий “civility” и “civil” как взаимоотношений граждан за пределами сферы государства, в отличие от “цивилизованности”, отечественная семантика которого также использует устоявшееся представление об *уровне* развития общества. Украинский и русский переводы понятия “civil” в устоявшемся термине “*гражданское общество*” утрачивают эту содержательную нагрузку англоязычного термина, приобретая, однако, второе актуальное значение, связанное с гражданской активностью и обоснованное, в частности, в подходе А. де Токвиля. Влияет ли (и если да, то каким образом) эта семантическая деформация концепции “civil society” на социальную практику посткоммунистических трансформаций — открытый вопрос.

Конечно, эта бинарная матрица является идеальной теоретической конструкцией дискурса гражданского общества, к тому же она обусловлена семантикой конкретного культурного контекста. Однако даже на уровне “здорового смысла” или первичного восприятия в контексте любой культуры, в том числе и украинской, гражданские характеристики индивидуализации мотивов, социальных отношений и способа (или стиля) функционирования общественных институтов очерчивают базовые социальные ценности и общественные нормативные идеалы (*“то, что должно быть”*), особенно на уровне индивидуального поведения и социальных отношений. Нормативно “устоявшиеся” отклонения от идеальной типологии дискурса гражданского общества в посткоммунистическом, в том числе и украинском, контексте наиболее выразительно проявляются в сфере функционирования институтов с такими их нормативно цивилизационными характеристиками, как “закон”, “равенство”, “беспристрастность”, “контракт” и т.п.

Бинарность логики идеально-типологических классификаций наблюдается также в социально-структурных характеристиках украинского общества. В искусственном политическом (а зачастую и в теоретическом) современном украинском дискурсе позитивные характеристики “гражданскости” преимущественно ассоциируются с сегментами групп “демократического влияния” и “гражданскими активистами”, тогда как “массовое” общество лишают этих качеств и характеризуют как “негражданское” [16]. Далее я вернусь к теме социальной семантики уже устоявшегося, по крайней мере на уровне понятийного восприятия, гражданского дискурса в украинском контексте. Здесь же более детально представлю эвристическую и методологическую ценность бинарной матрицы Александера.

Социолог подчеркивает присущую любому обществу внутренне антагонистическую структуру его нормативных общественных идеалов (когда “позитивные” ценности не могут проявлять себя и быть понятыми без семантического соотнесения их с необходимыми и имеющимися смысловыми антиподами, или, используя лексику М.Фуко, “контрдискурсами”). Дуалистическая, внутренне противоречивая структура дискурса гражданского общества (особенность, которую, по мнению Дж.Александера [8, с. 372], игнорировала теория демократии от К.Маркса до Ю.Хабермаса, Д.Роулза и Т.Парсонса) характеризует не только современный демократический дискурс, но даже его первую историческую форму эпохи античной Греции. Уже античное понимание демократии сочетало в себе классификации как относительно общественного участия (свободные граждане), так и относительно исключения из активной общественной жизни (рабы, метеки, женщины, недееспособные, несовершеннолетние) [17, с. 90–131], дискурс социального объединения и вовлечения и дискурс социального ограничения и репрессии.

Каковы же причины антагонистической дуальности дискурса гражданского общества? Исследователь связывает их не только с универсальными человеческими особенностями познания и классификации реальности через формирование бинарных структур, категорий и понятий (что акцентировано когнитивной психологией, структурализмом и психоанализом), но и с *нормативными общественно-политическими* проявлениями этих особых дискурсов. Действительно, утверждение и функционирование самоуправляемого, неиерархичного сообщества означает взаимодействие открытых, честных, независимых, рациональных в своих действиях, сдержанных, доб-

рожелательных, способных к самоконтролю индивидов. Если же члены общества не доверяют друг другу, оказываются подозрительными, нечестными, зависимыми, иррациональными в мотивах своего поведения, не способными к самоконтролю и агрессивными, маловероятна способность их сформировать и поддерживать самоуправляемое и демократическое сообщество, более того, подобное сообщество обречено на зависимость от разных форм внутренней недемократической иерархии и установления системы внешнего контроля [8, с. 372].

Еще один важный методологический вывод, вытекающий из концепции гражданского общества Александра, воплотился в подходе к такой сложной и противоречивой общественной деятельности, как формирование *социальных смыслов*. Эта смыслообразующая деятельность, происходящая в повседневных и политических интеракциях на уровне разных общественных сфер и акторов, является, по сути, коллективным переговорным процессом в рамках бинарного дискурса гражданского общества, и именно этот процесс продуцирует нормативные смыслы добра и зла, справедливого и несправедливого, приемлемого и неприемлемого в обществе. Противоречивый и принципиально незавершенный общественный результат социальных интеракций и обсуждений по поводу норм, ценностей и установок общества выразительнее всего отражен в практиках реализации и нормирования (институционализации) общественного идеала справедливого и солидарного общества.

В классической социологической теории проблема коллективного продуцирования социальных смыслов, а также социальных норм общественного сосуществования (собственно того, что делает общество обществом) отражена в концептах разных форм солидарности общества (Э.Дюркгейм), “фратенизации” (М.Вебер), “социетального сообщества” (Т.Парсонс). Тем не менее идеал общественной солидарности ни в одном историческом обществе, начиная с античной Греции, никогда не был реализован в социальной практике неопровержимым и однозначным образом. Именно поэтому в своей концепции Александр обращает особое внимание на проблему *институционализации гражданского общества* как на исходный методологический момент исследования его противоречий [18]. Противоречия гражданского общества, по его мнению, обусловлены внутренней неполнотой и всегда частичным характером процесса институционализации (то есть практической реализации и нормирования) общественного идеала [19]. Любые, даже самые успешные попытки воплотить в жизнь нормативные идеалы гражданского общества не всегда оборачиваются общественным равновесием и стабильным социальным порядком (а в посткоммунистическом контексте — не достигают идеалов “справедливого общества”), а скорее приводят к коллизии, которую Ю.Хабермас [20] называет противоречием между нормативностью (*normativity*) и фактичностью (*facticity*). По замечанию Александра, “это противоречие обуславливает эмпирическую основу длительных социальных конфликтов на почве справедливости, характеризующих современные и постмодерные общества” [8, с. 372]. Тот факт, что реформистские и революционные конфликты вспыхивают не только в трансформирующихся обществах (в частности, посткоммунистических), но и в, казалось бы, исторически устоявшихся гражданских обществах, не доказывает, однако, несовместимости принципов цивилизности с реальной жизне-

деятельностью таких обществ, а является свидетельством неизбежно частичного и противоречивого процесса нормализации идеалов гражданского общества (в том числе в силу его внутреннего парадокса, выражающегося в напряжении между индивидуальными и коллективными измерениями гражданской солидарности [8, с. 372]), безграничной способности общества к пересмотру и переоценке общественных норм, общественной самокритики и саморефлексии. Эта общественная способность социальной критики и социального представления (К.Касториадис) служит основой социальных структурных изменений и институционализации любого гражданского общества.

Важные методологические выводы концепции Александера имеют непосредственное отношение к сложным процессам общественной трансформации и поиска оптимальных моделей формирования справедливого, солидарного, экономически эффективного общества в посткоммунистических странах, включая и Украину.

Посткоммунистические импликации концепции гражданского общества: идеал и реальность

Рассмотрим детальнее некоторые важные методологические импликации концепции гражданского общества Дж.Александера применительно к посткоммунистическим странам, учитывая прежде всего опыт посткоммунистической трансформации и проблемы формирования гражданского общества в Украине.

1. *Гражданское общество: секуляризация нормативного идеала.* В демократических революциях и посткоммунистических трансформациях конца 1980-х — начала 1990-х годов в Восточной Европе “гражданское общество” в сочетании с “демократией” и “рыночной экономикой” стало одним из наиболее распространенных и эффективных идеологических предпосылок общественного обновления. Практическая задача демонтажа тоталитарных политических режимов и демократической эмансипации общества, борьба против общего врага — коммунистической политической системы по принципу “мы против них” (или, согласно точному выражению венгерского либерального идеолога Д.Конрада, “граждане против государства”) — довольно эффективно подготовила широкую идеологическую базу для консолидации разных политических сил под лозунгом возрождения гражданского общества. Благодаря этому в данный период концепция гражданского общества в восточноевропейском контексте приобрела значение идеологической легитимации в противостоянии общества (в самом обобщенном его понимании) с тоталитарным, авторитарным, административно-командным государством [21]. Вполне закономерно и то, что антикоммунистическая идеология восточноевропейских революций черпала теоретическое вдохновение преимущественно в марксистской, точнее, неомарксистской теоретической интерпретации гражданского общества, особенно в Марксовом пафосе противостояния государству.

Можно утверждать, что это, крайне упрощенное и даже вульгаризованное под идеологическим марксистским влиянием, понятие гражданского общества после выполнения своей роли “освободительной идеологии”, каковую этот обрел в период демократических революций и на первом этапе посткоммунистических трансформаций в Восточной Европе (и в Украине в

частности), оказалось в некоем идеологическом вакууме по отношению к новым идеологическим значениям и общественным смыслам на этапе “рыночной нормализации” постреволюционной общественной жизни. Это вполне естественно, учитывая различия исторических обстоятельств формирования и общественной семантики гражданского общества в Восточной Европе и в странах “развитого капитализма”, где, собственно, развивалась подобная отдельная культурная сфера цивилиности — как продукт и, одновременно, как необходимый противовес рыночному капитализму.

Результатом отсутствия (или скорее неразвитости) этих исходных социокультурных оснований развития гражданского общества как автономной сферы гражданской культуры в посткоммунистическом контексте стала важная деформация его концепта и дискурса. С одной стороны, в идеологической сфере легитимации антикоммунистических революций и посткоммунистических трансформаций, а позже и в посткоммунистическом политическом дискурсе, клише “гражданское общество” начало претендовать на роль нового всеобъемлющего, универсального (и вследствие этого довольно абстрактного) нормативного общественного идеала, который якобы пришел на смену идеологически и политически девальвированному коммунизму в условиях идейного вакуума бывших коммунистических обществ. Но, в отличие от коммунистического проекта, этот общественный идеал не определял идеологическую доктрину, дальнейшую четкую программу политических действий и конечную цель общественного развития, а значит — не формировал иерархию общественно-политических акторов, задачи их общественной координации и т.п. ради достижения этой цели. С другой стороны, попытки конкретизировать концепцию гражданского общества в посткоммунистическом контексте, обозначить ее социально-структурные референты, как правило, сводились к ее узкоинструментальной интерпретации, которая редуцировала “гражданское общество” в сеть негосударственных организаций и гражданской политической активности.

В посткоммунистическом дискурсе (не только политическом, а часто и теоретическом) эти крайности интерпретаций гражданского общества приводили в основном к политически-инструментальному употреблению этого концепта, в котором терялся социологический реализм его понимания как особого социального измерения и социокультурной сферы цивилиности общественных отношений. Отсюда в реализациях практической политики, которая к тому же в значительной мере определялась финансовыми донорами “третьего сектора”, стратегии развития и формирования гражданского общества в посткоммунистических странах, и в Украине в частности, нередко сводились к финансово-организационной поддержке и количественному наращиванию сети НГО. Последние, в свою очередь, понимались как инструмент общественного влияния на власть и претендовали на репрезентацию “голоса общественности”. Разумеется, в такой посткоммунистической семантике гражданского общества были осязаемы политико-культурные влияния как недавней инерции борьбы против “чуждого государства” времен антикоммунизма, так и особой генетической памяти “передовых отрядов” политически нацеленных НГО, в данном случае — относительно демократизации [22].

Впрочем, если для в целом успешно реформированной Восточной Европы “борьбистская” парадигма развития “политического” гражданского об-

щества исчерпала себя к середине 1990-х годов и встал вопрос “что дальше?”, то в контексте особого украинского опыта, драматичного и незавершенного, до момента демократического реформирования политической системы она имела свое общественное оправдание и достигла исторической кульминации в “оранжевой” революции конца 2004 года. Последняя, однако, не была революцией “агентств по развитию”, а скорее политической реакцией общественного организма на системные деформации в сферах политики, экономики и права в Украине, то есть реакцией гражданского общества (не путать с группами профессиональных “менеджеров от демократии”), только еще формирующегося в Украине. Симптоматичным выглядит распространенная индивидуальная мотивация и коллективная логика “оранжевых” революционных действий — “мы боролись не за Ющенко, а за себя”. В этом смысле в модели интерпретационной логики Александра “оранжевая” революция 2004 года в Украине стала ярким проявлением “гражданского ремонта” деформированной политической системы со стороны настоящего “секуляризованного” протогражданского общества.

Секуляризация революционного лозунга, а также практическое и теоретическое понимание концепции гражданского общества — необходимая стадия его формирования в посткоммунистических странах и, одновременно, объективный способ корректирования (ре-концептуализации) этой аналитической концепции [5, с. 2]. Секуляризация обуславливает деполитизацию и демифологизацию нормативного идеала, то есть восприятие гражданского общества не как политической идеологемы или конечной цели, а скорее как принципиально незавершенного процесса развития до общественного состояния цивильности во всех сферах общественной жизнедеятельности (экономике, политике, социальных отношениях, культуре). Этот процесс обуславливает также осознание необходимой связи гражданского общества как способа общественной жизнедеятельности с функционированием рыночной экономики, в социально-структурных измерениях — с формированием многочисленного среднего класса, а на уровне общественной политики — с конституированием автономной и самодовлеющей публичной сферы общественной критики, обсуждений и добровольных, самоорганизованных гражданских интеракций и действий. Социальная энергия акторов (тех же НГО) реального, а не искусственного (или “идеального”) гражданского общества направляется на любые деформированные, с точки зрения нормативных общественных идеалов, сферы общественной жизнедеятельности — от политического влияния на власть (наиболее привлекательный и стереотипный посткоммунистический алгоритм) до менее привлекательных — типа экономических и трудовых отношений, консолидации нации, защиты прав граждан, охраны их здоровья, помощи социально незащищенным слоям населения, сиротам, инвалидам, больным СПИДом и туберкулезом и т.п. Необходимость нормирования этих практик общественной солидарности актуализирует для посткоммунистических стран проблему институционализации гражданского общества.

2. Гражданское общество: проблемы институционализации. В контексте концепции культурной социологии Дж.Александера проблему институционализации гражданского общества следует понимать по крайней мере в двух смыслах: 1) как объективно частичный и противоречивый процесс нормирования и воплощения в общественной практике идеалов гражданского общества и 2) как неизбежный разрыв между нормативностью и

фактичностью (Ю.Хабермас), представлениями идеального справедливого общества (“*то, что должно быть*”) и реальными общественными практиками, которые в действительности объединяют “*хорошее*” и “*плохое*” (или в украинском, уже почти фольклорном варианте — “*маємо те, що маємо*”).

Отсюда следует закономерный вывод, который тоже подтверждается практикой общественной трансформации в Украине, о том, что развитие гражданского общества и его институционализация не сводятся к формальным измерениям демократии, в частности к процессу количественного роста сети зарегистрированных НГО. Более того, Украина уже демонстрирует достаточно весомое “статистическое” гражданское общество в виде почти 50 тыс. зарегистрированных общественных организаций, из которых, однако, около 90% “действуют” только на бумаге.

Тем не менее даже реальные общественные организации в Украине не являются массовыми агентами общественного участия, а представляют скорее полупрофессиональные менеджерские структуры “третьего сектора” или же бизнес-проекты в сфере социального предпринимательства. К тому же общественные организации в Украине до сих пор не заслужили высокого уровня общественного доверия (табл. 2), в том числе и в своих попытках организационно-политической институционализации. Симптоматично то, что гражданская кампания “Пора”, явившаяся заметным политическим фактором в событиях “оранжевой” революции 2004 года, после трансформации ее организационной верхушки в одноименную политическую партию и последующего вхождения ее в “гражданский блок” Пора–ПРП не получила достаточной электоральной поддержки на недавних парламентских выборах 2006 года.

Таблица 2

Каков уровень Вашего доверия к благотворительным фондам, общественным ассоциациям и объединениям?, %¹

Варианты ответов	2004	2005
Совсем не доверяю	27,3	22,7
В основном не доверяю	22,5	25,7
Трудно сказать, доверяю или нет	34,9	37,8
В основном доверяю	12,2	12,0
Полностью доверяю	3,0	1,5
Не ответили	0,1	0,2

Речь идет не только о все еще устойчивом общественном “синдроме недоверия” (П.Штомпка) к любым институтам и организациям (включая негосударственные) [23], но и об актуальной для структур гражданского общества проблеме адекватности представительства общественных интересов. Иначе как объяснить разрыв между низким уровнем доверия к общественным организациям и уже осознанной общественной потребностью в благотворительности в разных сферах (табл. 3)?

¹ Таблицы 2 и 3 представляют данные ежегодных мониторинговых опросов “Украинское общество” Института социологии НАН Украины (общенациональный репрезентативный опрос, N = 1800, февраль–март 2004 и 2005 годов).

Таблица 3

**Согласны ли Вы участвовать в следующих видах деятельности
и при каких условиях, %, 2005**

Варианты ответов	Помощь больным, инвалидам	Помощь бедным	Организа- ция досуга и отдыха	Участие в обеспече- нии право- порядка	Участие в уборке тер- ритории по месту жи- тельства
Не согласен ни при каких условиях	14,5	12,7	20,7	33,3	12,2
Согласен за полную оплату	8,2	6,8	18,3	14,7	10,2
Согласен за частич- ную оплату	12,5	10,8	12,0	8,9	10,5
Согласен бесплатно	32,0	34,3	12,9	10,8	48,4
Трудно сказать	32,9	35,5	36,0	32,4	18,6

Как свидетельствуют приведенные выше результаты социологических исследований, в украинском обществе постепенно развиваются ориентации граждан на локальную, спонтанную самоорганизацию и решение общественных проблем, особенно на местном уровне и непосредственно касающихся их “жизненного мира”, своими силами (скажем, готовность участвовать в уборке и благоустройстве территории по месту жительства). То, что граждане начинают ориентироваться на собственные волонтерские, неоплачиваемые усилия, может свидетельствовать о формировании настоящего “горизонтального” гражданского общества, не обязательно координируемого менеджерскими структурами НГО (хотя для последних новая стратегия развития как раз и может заключаться в организации, координации и мобилизации общественных усилий на решение конкретных общественных проблем).

Собственно, яркие массовые проявления спонтанных, не институционализованных под крышей НГО общественных инициатив наблюдались в период “оранжевой” революции конца 2004 года [24]. Ее успех убедительно доказал, что статистика общественных организаций, показатели их членства и организационные структуры гражданского общества — безусловно, важный, однако недостаточный фактор, который сам по себе не объясняет того, что делает (или не делает) формальную демократию действенной. А значит, адекватно понятая институционализация гражданского общества предполагает, прежде всего, формирование эффективных горизонтальных связей сотрудничества граждан, качества социальных связей (того, что в современной социальной теории называется “социальным капиталом”) и социальной солидарности граждан в понятных и близких им практиках, таких, к примеру, как местные движения и инициативы по решению конкретных социально-экономических проблем, кредитные союзы, программы развития местных общин, инициативы жилищно-коммунальных кондоминиумов и т.п.

Есть еще один не менее важный, особенно для посткоммунистического общества, аспект проблемы институционализации гражданского общества, который выдвигают в центр исследовательского внимания концептуальные подходы Александера. Речь идет о противоречии между нормативными представлениями о демократическом, гражданском, наконец, справедли-

вом обществе и фактичностью, реальным положением дел в обществе. “Свобода”, “демократия”, “права человека”, “социальная справедливость”, по крайней мере с начала 2000-х годов, уже не являются в современном украинском общественно-политическом контексте абстрактными категориями общественного блага, а довольно высоко оцениваются респондентами общенациональных опросов как общепринятые цивилизационно-демократические идеалы [25; 26]. В пользу массового позитивного восприятия нормативного идеала демократии свидетельствуют также результаты сравнительного Европейского социального исследования (European Social Survey) 2005 года, которое проводилось среди 24 европейских стран, а в Украине осуществлялось Институтом социологии НАНУ. Всего 6,1% респондентов этого исследования были не согласны с утверждением, что “*демократия — это самый лучший политический строй для любого современного государства*”. В то же время только 3,1% опрошенных, отвечая на вопрос “*В какой мере Вы удовлетворены тем, как действует демократия в Украине?*”, были полностью удовлетворены *реальным качеством* реализации демократии в стране. Украинский среднестатистический показатель удовлетворенности качеством демократии в стране (4,04 по 11-балльной шкале) в рамках этого исследования оказался ниже среднеевропейского показателя (5,34).

Существенные “разрывы” между нормативностью общественных идеалов и фактичностью реализации их в стране наблюдаются и в такой важной для перспектив развития гражданского общества сфере, как социальные связи. Как показывают данные упомянутого сравнительного исследования за 2005 год, важные индикаторы общественных ценностей и индивидуальных мотиваций, которые в частности очерчивает Дж.Александр как символический ресурс гражданского общества или нормативный “социальный климат” (доверие / недоверие, честность / обман, социальная солидарность / собственный интерес), в Украине в среднем ниже, чем среднеевропейские показатели, однако превышают показатели всех посткоммунистических стран по индексу доверия к соотечественникам, за исключением Эстонии (табл. 4).

Однако и в этой, более-менее приемлемой для посткоммунистического общества, социальной саморефлексии можно предположить с долей вероятности, что украинские респонденты, оценивая наш “социальный климат”, больше ориентируются на нормативные представления об общественном благе (“*как должно быть*”), нежели на фактическое состояние дел в обществе (“*как есть на самом деле*”). Симптоматичным для оценки реального “социального климата” страны и качества ее социальных связей является то, что украинские респонденты в наибольшей мере среди европейских обеспокоены тем, что с ними в будущем могут поступить нечестно в разных сферах жизни (от водопроводчиков и строителей до банков и государственных чиновников).

А ведь именно с таких социальных “мелочей” и “деталей”, с характеристик качества социальных связей и самой социальной, отягощенной клиентелизмом [27], с решения проблем нормирования общественных добродетелей и благ, не лозунговой, а реальной социальной солидарности, взаимопомощи и справедливости начинается серьезный социологический анализ проблематики современного *реального* (не искусственного, не нормативного, не импортируемого или клонированного, не “борьбистского”, не мейджерского) гражданского общества.

Таблица 4

Европейское социальное исследование, 2005*

Страна	Как Вы считаете, в целом большинству людей можно доверять (10 баллов) или следует быть осторожным, имея дело с людьми (0 баллов)?	Как Вы считаете, большинство людей будут пытаться использовать или обмануть Вас (0 баллов), если представится случай, или же будут стараться вести себя честно и порядочно (10 баллов)?	Как Вы считаете, люди в основном стараются помогать другим (10 баллов) или заботятся о собственном интересе (0 баллов)?
Дания	6,76	7,31	6,02
Великобритания	5,14	5,55	5,67
Германия	4,75	5,73	4,77
Франция	4,52	5,62	4,58
Эстония	5,18	5,44	4,73
Чехия	4,16	5,15	4,07
Украина	4,33	4,73	3,82
Словения	4,13	4,77	4,36
Польша	3,60	4,59	3,20
Венгрия	4,01	4,57	4,04
Словакия	4,02	4,50	3,73
Среднеевропейский показатель	4,99	5,57	4,78

* Шкала оценок от 0 (негативная оценка) до 10 (позитивная оценка).

Вместо заключения

Здесь мы лишь очертили новое проблемное поле реконцептуализации теории гражданского общества и проблем его институционализации, опираясь на методологические подходы социологии Дж. Александера. Даже невооруженный “теоретический глаз” может подсказать не менее важный ряд вопросов нормирования отношений civility в украинском обществе, начиная от грязных, неопрятных парадных до нецивильной национальной экономики, половина которой до сих пор находится “в тени”, от проблем преодоления культуры бытовой коррупции до выборочного применения законов, от устойчивого недоверия к институтам государства и власти до отсутствия реальных механизмов влияния граждан на систему принятия политических решений в периоды “без выборов”. “Оранжевая” революция 2004 года еще раз доказала то, что известно каждому социологу — общество является довольно консервативным социальным организмом, а трансформация норм, установок, культурных предписаний и институционализация новых требуют не только декретов и законов, но и продолжительного времени и, возможно, смены не одного поколения.

Детальный анализ этих и других вопросов выходит за рамки данной статьи, основной целью которой было подчеркнуть тот теоретический и социально-эмпирический факт, что нормативные концепты общественного блага и добродетельности действуют в любом обществе, что люди отличают справедливое от несправедливого, что общество сохраняет и развивает символическую нормативную память и социальное представление о том, “что такое *хорошо и что такое плохо*”. Эти факты, в свою очередь, будоражат и вдохновляют социологическое воображение.

Литература

1. *Alexander J., Smith Ph.* The Discourse of American Civil Society: A New Proposal for Cultural Studies // Theory and Society. — 1993. — Vol.22. — № 2. — P.151–207.
2. *Александр Дж.* Парадоксы гражданского общества // Социология: теория, методы, маркетинг. — 1999. — № 1. — С.27–42.
3. *Alexander J.* Collective Action, Culture and Civil Society: Secularizing, Updating, Inverting, Revising and Displacing the Classical Model of Social Movements // Alain Touraine / Ed. by M. Diani, J. Clarke. — N.Y., 1996. — P. 205–234.
4. *Alexander J.* After Neofunctionalism: Action, Culture, and Civil Society // Neofunctionalism and After / Ed. by J.C.Alexander. — N.Y., 1997. — P. 210–233.
5. *Alexander J.* Civil Society I, II, III: Constructing an Empirical Concept from Normative Controversies and Historical Transformations // Real Civil Societies / Ed. by J.C.Alexander. — L., 1997. — P. 1–20.
6. *Alexander J.* Civil Society Between Difference and Solidarity: Rethinking Integration in the Fragmented Civil Society // Theoria: Journal of Social and Political Theory. — 1998. — № 92. — P. 1–14.
7. *Alexander J.* Theorizing the Good Society: Hermeneutic, Normative, and Empirical Discourses // Canadian Journal of Sociology. — 2000. — Vol.25. — № 3. — P.271–310.
8. *Alexander J.* The Long and Winding Road: Civil Repair of Intimate Injustice // Sociological Theory. — 2001. — Vol. 19. — № 3. — P. 371–400.
9. *Pirez-Dvaz V.* The Public Sphere and a European Civil Society // Real Civil Societies / Ed. by J.C.Alexander. — L., 1997. — P. 211–238.
10. *Ricoeur P.* The Model of a Text: Meaningful Action Considered as a Text // Social Research. — 1971. — № 38. — P. 529–562.
11. *Степаненко В.* Общественная трансформация в социокультурной модели интерпретации // Социология: теория, методы, маркетинг. — 2003. — № 4. — С.89–109.
12. *Черниш Н., Ровенчак О.* Соціокультурний підхід у соціогуманітарних науках: обмін сенсами // Соціологія: теорія, методи, маркетинг. — 2005. — № 4. — С. 92–103.
13. *Бурлачук В.* Символ и власть. Роль символических структур в построении картины социального мира. — К., 2002.
14. *Smelser N., Alexander J.* The Public Representation of Culture and History. Introduction // American Behavioral Scientist. — 1999. — Vol.42. — № 6. — P. 913–921.
15. *Патнам Р. (разом з Р.Леонарді та Р.Й.Нанетті).* Творення демократії. Традиції громадянської активності в сучасній Італії. — К., 2001.
16. *Степаненко В.* Суспільство громадянське і “не громадянське”: дискурси та моделі взаємодії // Українське суспільство 1994–2004. Моніторинг соціальних змін / За ред. В.Ворони, М.Шульги. — К., 2004. — С. 198–212.
17. *Аристотель.* Политика. — М., 2002.
18. *Alexander J.* Contradictions: The Uncivilizing Pressures of Space, Time, and Function // Soundings. — 2000. — № 16. — P. 96–112.

19. *Alexander J.* Citizen and Enemy as Symbolic Classification: On the Polarizing Discourse of Civil Society // Ed. by M.Fournier, M.Lamont. Where Culture Talks: Exclusion and the Making of Society. — Chicago, 1992. — P. 289–308.

20. *Habermas J.* Between Facts and Norms: Contributions to a Discourse Theory of Law and Democracy. — Cambridge, 1996.

21. *Степаненко В.* Концепція громадянського суспільства в осмисленні посткомуністичних суспільних трансформацій // Суспільна трансформація: концептуалізація, тенденції, український досвід / За ред. В.Танчера, В.Степаненка. — К., 2004. — С. 73–99.

22. *Степаненко В.* Громадянське суспільство в Україні: від практик “агенцій впливу” до політики громадянської участі // Національна безпека України. Конференція українських випускників програм наукового стажування у США. 16–19 вересня 2004 року. — К., 2004.

23. *Степаненко В.* Громадянське суспільство в Україні: проблеми інституціоналізації // Соціальні виміри суспільства : Збірник наукових праць. Вип. 7. — К., 2003. — С. 320–342.

24. *Степаненко В.* До громадянського суспільства // Сподівання на іншу Україну. Президентські вибори-2004 та навколо них: думки, настрої, оцінки людей / За ред. С.Макеєва. — К., 2005. — С. 78–86.

25. *Степаненко В.* Проблеми формування громадянського суспільства в Україні: інститути, цінності, практики // Українське суспільство: десять років незалежності / За ред. В.Ворони. — К., 2001. — С. 169–183.

26. *Матусевич В.* Громадянське суспільство в Україні: передумови становлення // Україна-2002. Моніторинг соціальних змін / За ред. В.Ворони, М.Шульги. — К., 2002. — С. 204–209.

27. *Степаненко В.* Неконтрактні відносини та їх деклієнтизація як стратегія формування громадянського суспільства // Українське суспільство-2003. Соціологічний моніторинг / За ред. В.Ворони, М.Шульги. — К., 2003. — С. 167–179.